

Сотворение Святого

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно¹.

*Лоренцо де Медичи.
Триумф Вакха и Ариадны*

Предисловие

Перед вами мемуары блаженного Джулиано, монаха ордена святого Франциска Ассизского, известного в миру как Филиппо Брандолини. Я, Джулио Брандолини, последний отпрыск его рода. После смерти фра² Джулиано рукопись передали его племяннику, Леонелло, ставшему, согласно завещанию, наследником, и с тех пор она переходила от отца к сыну как семейная реликвия, хранящая память о человеке, чье благочестие и добрые дела до сих пор прославляют фамилию Брандолини.

Вероятно, есть необходимость объяснить причину, по которой мы решились обнародовать эти мемуары. Будь моя воля, я бы оставил их среди прочих семейных документов, но моя жена настояла на обратном. Покинув Новый Свет, чтобы стать графиней Брандолини, супруга проявила живой интерес к тому факту, что один из моих предков прославил себя добрыми делами и папа римский причислил его к лику блаженных. Произошло это по настоя-

¹ Перевод Валерия Брюсова. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Сокращенное от *frater* (лат.) — брат. Частица, присоединяемая к имени католического монаха.

тельными просьбам внучатого племянника вскоре после смерти фра. Если бы наша семья по-прежнему процветала, как в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях, его бы, несомненно, канонизировали, потому что документально засвидетельствованы необходимые для канонизации чудеса, совершенные как мощами фра Джулиано, так и благодаря молитвам, вознесенным у его могилы. Но поместья наши приходили в упадок, и мы не смогли позволить себе дополнительные расходы. Теперь моя жена вернула прежнее великолепие нашему дому, да только времена, увы, изменились. Старые, добрые обычаи наших отцов забыты, и нет никакой возможности возвести достойного человека в святые за наличные деньги. Однако моя жена пожелала опубликовать мемуары своего благочестивого предка. Проблема заключалась в том, что описываемые события не имеют никакого отношения к той жизни, которую вел фра Джулиано после ухода во францисканский монастырь в Кампомассе, да и очевидно, что из добрых дел, молитв и постов не сложится очень уж интересная история. Поэтому нам пришлось оставить за кадром его благочестие и рассказать о его грехах. Тем более что в оставленных мемуарах их можно найти на любой вкус.

Не ограничившись описанием собственной жизни, фра Джулиано начинает свое повествование с упоминания загадочного консула Римской империи, который и положил начало нашему роду постыдной связью с чужой женой. И продолжает рассказ сквозь бесчисленные столетия, пока не добирается до собственного зачатия и чудес, сопровождающих его рождение, которое он расписал

в мельчайших подробностях. Далее он вспоминает годы детства и юности, проведенные при дворе Бентивольо, правителя Болоньи, и службу в неаполитанской армии под командой герцога Калабрии. Но по объему мемуары невероятно велики, с множеством отступлений и подробностей, зачастую не связанных друг с другом. Поэтому даже тщательное редактирование не позволяло добиться ясного и последовательного изложения событий.

Фра Джулиано сам разделил свою жизнь на две части. Первую назвал «Временем меда», то есть годами ожидания, вторую — «Временем горечи», поскольку ожидания эти не стали явью. «Время горечи» начинается с его прибытия в город Форли¹ в 1488 году, и именно эту часть мемуаров мы решили опубликовать, потому что, несмотря на краткость, этот период его жизни наиболее насыщен событиями, и рассказ о них получился очень ярким. Центральное место в нем занимает заговор, результатом которого становится убийство Джироламо Риарио, а в финале повествования автора принимают в орден святого Франциска. Эту часть мемуаров я публикую в том самом виде, в каком она и написана, не добавляя и не убавляя ни слова. Не буду отрицать, я бы с удовольствием чуть подправил эту историю, ибо англосаксы — нация идеалистов, что подтверждено многими их деяниями как в международной политике, так и в торговле, и правду они всегда находят в какой-то степени нелицеприятной. У меня есть друг, который недавно написал роман о лондонских

¹ Один из древнейших городов Италии. По легенде, основан консулом Гаем Ливием Салинатором в 188 году до н. э. Расположен в Северной Италии, в области Эмилия-Романья.

бедняках¹. Так критики пришли в ужас, потому что персонажи опускали букву «эйч», с их губ часто срывались ругательства, да и вели они себя не столь элегантно, как могли бы, если бы брали пример с представителей высшего общества. И нашлось немало читателей, которые испытали шок, обнаружив, что в этом мире существуют люди, не обладающие утонченностью и интеллигентностью, и что эти качества не относятся к числу врожденных. Автор забыл, что правда — обнаженная женщина, а нагота всегда постыдна, если только не поучает. Раз уж правда нашла себе пристанище на дне колодца, она отдает себе отчет (в этом нет никаких сомнений), что ей не место в компании приличных людей.

Я прекрасно понимаю, что персонажей этой драмы побуждали к действию не высокие моральные принципы, которыми они могли бы руководствоваться, получив образование в престижной английской частной школе. Но возможно, читатель найдет оправдание поступкам героев, помня о том, что события эти происходили более четырехсот лет назад и участвовали в них не убогие бедняки, а люди высокого происхождения. Если они грешили, то грешили изысканно, и многое можно простить тем, чья родословная безупречна. И автор, словно не желая оскорбить чувства своих читателей, позаботился о том, чтобы заклеить презрением только одного персонажа, семья которого не считалась респектабельной.

Прежде чем откланяться и оставить читателя наедине с Филиппо Брандолини, я позволю себе описать его внешность, запечатленную на портрете,

¹ Речь идет о первом романе Сомерсета Моэма «Лиза из Ламбета», опубликованном в 1897 г.

написанном в том же 1488 году и принадлежащем нашей семье до начала этого столетия¹, когда он был продан, как и многие другие произведения искусства, путешественникам, посещавшим Италию. Моей жене удалось выкупить часть полотен, но портрет Филиппо остался в собственности одного английского дворянина, который отказался расстаться с картиной, однако проявил любезность и позволил написать копию, занимающую теперь место оригинала.

На картине мы видим мужчину среднего роста, стройного и приятной наружности, с маленькой черной бородкой и усами. Овальное лицо, смуглая кожа, красивые темные глаза, которые смотрят на мир, излучая безграничное счастье. Написан портрет вскоре после женитьбы Филиппо. Одет он по моде того времени и держит в руке пергаментный свиток. В верхнем правом углу дата и герб нашего рода: вздыбленный грифон, крест, дворянская корона. Девиз — *Felicitas*².

¹ Роман Сомерсета Моэма «Сотворение Святого» впервые опубликован в 1898 г.

² Удача, счастье, успех (*ит.*).

Глава 1

— Позволь представить тебе моего друга Филиппо Брандолини, дворянина из Читта-ди-Кастелло¹. — Потом, повернувшись ко мне, Маттео добавил: — Это мой кузен, Кеччо д’Орси.

Кеччо д’Орси улыбнулся и поклонился:

— Мессир Брандолини, я безмерно рад нашему знакомству. Вы самый желанный гость в моем доме.

— Вы очень добры, — ответил я. — Маттео много рассказывал мне о вашем гостеприимстве.

Кеччо вновь поклонился и повернулся к кузену.

— Маттео, вы только что прибыли?

— Мы приехали рано утром. Я хотел сразу пойти к тебе, но Филиппо, страдающий невыносимым тше-славием, настоял на том, чтобы мы провели пару часов в гостинице, где он мог привести себя в порядок.

— А как ты провел эти часы, Маттео? — спросил Кеччо, вопросительно оглядев наряд и сапоги кузена.

Маттео бросил взгляд на свои сапоги и плащ:

— Я не столь элегантен! Возвращение в родной город вызвало у меня такой прилив сентименталь-

¹ Древний город в итальянском регионе Умбрия в провинции Перуджа.

ности, что я не смог уделить внимание собственной внешности, зато возобновил знакомство с вином. Ты знаешь, Филиппо, что мы очень гордимся нашим местным вином.

— Вроде бы ты никогда не страдал сентиментальностью, Маттео, — заметил Кеччо.

— Сегодня, когда мы прибыли сюда, она проявилась в полной мере, — возразил я. — Он всем восторгался, признавался в любви к Форли, хотел бродить по городу в это холодное утро и рассказывать мне забавные истории о своем детстве.

— Мы, профессиональные сентименталисты, не способны проявить сентиментальность к чему-либо помимо себя, — ответил Маттео.

— Я проголодался, — со смехом продолжил я, — а тебе чувствительность не к лицу. Даже твоя лошадь выказывала недоверие.

— Дикарь! — ответил Маттео. — Разумеется, от волнения я не мог уделять должного внимания лошади, она поскользнулась на этой брусчатке и едва не сбросила меня, а Филиппо, вместо того чтобы посочувствовать, расхохотался.

— Очевидно, сантименты — это все-таки не твое, — указал Кеччо.

— Боюсь, ты прав. А вот Филиппо может часами предаваться романтическим грезам, хуже того — предается, но в жизни ничего романтического у него не происходит. А меня можно извинить — все-таки я прибыл в родной город после четырех лет разлуки.

— Мы принимаем твои извинения, Маттео, — кивнул я.

— Но это правда, Кеччо, я рад возвращению. Сам вид этих древних улиц, дворца наполняет мое сердце

счастьем, и я чувствую... не могу выразить словами, что я чувствую.

— Что ж, наслаждайся, пока можешь, потому что, возможно, ты не всегда найдешь здесь радушный прием. — Голос Кеччо звучал серьезно.

— Это еще почему? — спросил Маттео.

— Об этом поговорим позже. А пока лучше повидаетесь с моим отцом и отдохайте. После такой поездки вы наверняка устали. Вечером мы устраиваем большой прием, на котором ты встретишь давних друзей. Граф соблаговолил принять мое приглашение.

— Соблаговолил? — Маттео вскинул брови и посмотрел на кузена.

Кеччо горько улыбнулся:

— Времена после твоего отъезда изменились, Маттео. Форлийцы теперь подданные и придворные.

Пресекая дальнейшие расспросы, он поклонился и оставил нас.

— Что же тут происходит? — покачал головой Маттео. — Как тебе он?

Во время разговора я с интересом присматривался к Кеччо д'Орси, высокому, темноволосому, с окладистой бородой и усами, лет сорока от роду. Сходство между ним и Маттео определенно просматривалось: темные волосы и глаза, но у Маттео лицо было шире, скулы выступали сильнее, а кожа заметно погрубела от солдатской жизни. Более худощавый и серьезный Кеччо выглядел гораздо более одаренным; Маттео, увы, умом похвалиться не мог.

— Он очень благожелательный, — ответил я.

— Немного заносчивый, но он хотел выказать радушие. Над ним довлеет положение главы нашего рода.

— Но его отец жив.

— Да, но ему восемьдесят пять, он глух как пень и слеп как летучая мышь. Старик сидит в своей комнате, тогда как Кеччо дергает за ниточки, а нам, беднягам, приходится только кланяться и делать все, что он нам говорит.

— Я уверен, тебе это только идет на пользу, — хмыкнул я. — Мне любопытно узнать, почему Кеччо так говорит о графе. Когда я приезжал сюда в прошлый раз, они были закадычными друзьями. Знаешь, пойдем выпьем, раз уж мы выполнили свой долг.

Мы пошли в гостиницу, где оставили лошадей, и заказали вина.

— Принеси самого лучшего, мой толстый друг, — крикнул Маттео хозяину. — Этот господин нездешний и не знает, что такое вино. Он вырос на кислом соке Читта-ди-Кастелло.

— Вы живете в Читта-ди-Кастелло? — спросил хозяин гостиницы.

— Мне бы хотелось там жить, — ответил я.

— Его изгнали из родной страны для ее же блага, — прокомментировал Маттео.

— Это неправда. Я уехал по собственной воле.

— И скакал так быстро, насколько мог, потому что его преследовали двадцать четыре всадника.

— Именно! Они не хотели, чтобы я уезжал, и когда я решил, что смена обстановки пойдет мне на пользу, послали целый конный отряд, чтобы убедить меня вернуться.

— Твоя голова, поднятая на пике, украсила бы главную площадь.

— Тебя эта мысль забавляет, — ответил я Маттео, — но тогда мне было совсем не до смеха.